

Слабая, миниатюрная, хрупкая, милая, осторожно цепляющаяся за него ради выживания — если бы всё было именно так, то, пожалуй, это не казалось бы чем-то невыносимым...

Но эта женщина — самая настоящая психопатка!

Неужели он, почтенный президент корпорации Ци, на самом деле предпочитает тип женщин, которые настолько помешаны на игре, что даже не могут отличить один биологический вид от другого?!

Ци Цзюньянь: Моя психика рухнула.

Хэхуань: Не надо так. Я же успокаиваю тебя, чего ты ещё хочешь?

Ци Цзюньянь: Пока не хочу разговаривать.

Соперник президента (девятая часть)

Ци Цзюньянь с помрачневшим лицом смотрел на неё сверху вниз. В его душе теснились тысячи слов, но все они в итоге оседали на дно сердца тяжёлым грузом.

Он не мог поверить, что его эстетические вкусы могли претерпеть столь причудливое искажение.

Хэхуань, чувствуя себя обиженной, прижалась к его груди. Потеревшись о него пару раз, она подняла голову и осторожно взглянула на него.

Кажется, маленький президент не так уж сильно злится.

— Кхм-кхм. — Прочистив горло, Хэхуань выбралась из его объятий и поманила медоеда, прыгавшего по гостиной: — Малыш, иди сюда.

Неизвестно, что это была за порода, но зверёк был невероятно смышлёным. Стоило ей поманить, как он тут же подскочил, послушно уселся на стол перед диваном и даже потёрся головой о руку Хэхуань, когда она потянулась его погладить.

Хэхуань собиралась представить своего малыша, но, заметив у него на морде кровь, тут же поморщилась от брезгливости.

Она обвела взглядом комнату и остановилась на помощнике, прятавшемся в углу дивана.

— Ты, — она указала на него пальцем, — веди моего малыша чистить зубы.

Помощник, оцепенев, посмотрел на неё. Дрожащим пальцем он указал на себя, потом на послушно сидящего медоеда и выдавил из горла:

— Это... разве удобно?

Как он посмеет прикоснуться к такой свирепой твари?

— Что ты сказал?

Хэхуань прищурилась. Она хотела было пригрозить ему напрямую, но тут же вспомнила, что

только что с таким трудом успокоила маленького президента, и всё испортить было нельзя.

Она широко распахнула глаза, хлопая ресницами, и проворковала:

— Цзюньянь, он что, брезгует нашим малышом? Как можно брезговать таким милым созданием?

Ци Цзюньянь молчал с самого начала, молчал и сейчас. Он просто тихо смотрел на Хэхуань, сохраняя полное спокойствие, и никто не знал, о чём он думает.

— Ну...

Хэхуань потянула его за рукав, начав капризничать:

— Цзюньянь-янь...

Окружающие поморщились от приторности, но Ци Цзюньянь по-прежнему оставался невозмутимым.

Хэхуань с досадой вздохнула, поднялась и сама взяла на руки медоеда, сидевшего на столе.

— Малыш, пойдём чистить зубки.

В её голосе звучала неподдельная обида.

Охранники с недоумением наблюдали, как она, полная скорби, уносит медоеда наверх, в спальню... вероятно, в ванную.

Хэхуань тщательно вычистила зубы медоеду, перепачканные кровью. Отмыв его дочиста, она решила заодно его искупать. Всё это время зверёк не сопротивлялся, покорно выполняя все команды: поднять лапу — пожалуйста, поднять другую — без проблем. Если бы эксперты-зоологи увидели эту сцену, они были бы в шоке, но Хэхуань к такому привыкла.

Напевая под нос, она с удовольствием вычистила своего малыша, высушила его чёрно-белую шерстку феном, завернула в полотенце и спустилась вниз.

Ци Цзюньянь всё так же сидел на диване. Казалось, за эти полчаса он не сдвинулся ни на дюйм. Охранники, пострадавшие от укуса, исчезли, и теперь рядом с ним сидел лишь помощник, что-то серьёзно докладывая.

Хэхуань, сменив наверх тапочки, с топотом сбежала по лестнице. Игнорируя помощника, она подбежала к Ци Цзюньяню, уложила медоеда ему на колени и нежно спросила:

— Цзюньянь, я помыла нашего малыша. Посмотри, разве он не прелесть?

Помощника передёрнуло от страха при виде свирепого зверька, он замолчал и стал осторожно наблюдать за реакцией босса.

Ци Цзюньянь поднял голову. Медоед послушно сидел у него на коленях, не проявляя ни малейшего желания буянить.

Хэхуань воспользовалась моментом, села рядом, обняла его за руку и прислонилась головой к плечу. Поглаживая серебристую шерсть медоеда, она прошептала:

— Цзюньян, ты снова на меня злишься? Но я ведь так стараюсь тебя не расстраивать. В следующий раз, если будешь злиться, просто скажи мне, хорошо? Я обязательно исправлюсь.

Она потёрлась щекой о его плечо и продолжила:

— Только не прогоняй меня. Ты же знаешь, что я тебя люблю. Все остальные женщины рядом с тобой только из-за твоих денег и лица, они не любят тебя по-настоящему.

Шисань Цюэ не удержался и спросил:

— А разве ты не такая же?

— Такая, — ничуть не смутившись, ответила Хэхуань, — но я люблю не только его деньги и лицо, я ещё люблю его восемь кубиков пресса.

Восемь кубиков пресса были вечной болью в сердце Хэхуань.

После того как она повторила это несколько раз, Ци Цзюньян наконец отреагировал.

Он бросил холодный взгляд на беспокойного помощника и произнёс:

— Можешь идти.

— Слушаюсь.

Помощник был готов исчезнуть немедленно — его совершенно не интересовала личная жизнь босса, а эта легендарная мисс Линь была до ужаса свирепой.

Когда помощник пулей вылетел из дома, Ци Цзюньян наконец повернулся к ней.

Хэхуань одарила его идеальной улыбкой и кокетливо подмигнула.

Ци Цзюньян проигнорировал это и продолжил ровным тоном:

— Если хочешь остаться — оставайся, но с сегодняшнего дня, если подобное повторится, не вини меня за грубость. И ещё...

Его взгляд стал острее.

— Тебе лучше объяснить мне, что это было за дело с Гу Жунъань?

— Какой ещё Гу Жунъань?

Хэхуань сделала невинные глаза, её улыбка была сладкой и мягкой, словно это имя не вызывало у неё никаких эмоций.

Лицо Ци Цзюньяна стало ещё холоднее.

— Что? Мне повторить твои же слова? Что значит «я соблазняю тебя только потому, что ты жених Гу Жунъань»?

Это касалось мужского достоинства. Даже сейчас, вспоминая те слова, Ци Цзюньян чувствовал, как внутри закипает гнев. Он больше не собирался играть в «чувства», как раньше, — он решил действовать решительно и сегодня же добиться от Линь Ханьхань ясного ответа.

— О, ты об этом.

Хэхуань сделала вид, что вспомнила, и небрежно махнула рукой:

— Ну так я же ей врал.

При этих словах она надула губы, изображая обиду:

— Цзюньян, ты ведь знал об этом, почему же не заступился за меня? Она сказала, что ты меня не любишь, а я ей не поверила.

Ци Цзюньян задохнулся от возмущения, не зная, что ответить.

Он ведь не был влюблён в Линь Ханьхань по-настоящему. Тогда семья Ци хотела, чтобы он присмотрелся к ней, он и присматривался, кто бы мог подумать о таких сложностях? В любом случае, он полагал, что это ненадолго, рано или поздно они расстанутся, так какая разница — на пару дней раньше или позже?

Но никто не ожидал, что после того случая Линь Ханьхань станет... такой странной.

Улыбку, которую он увидел тогда на записи с камер наблюдения, он помнил до сих пор. Этот бездонный взгляд, полный отчаяния и страстной любви, — невозможно было поверить, что всё это ложь. Именно поэтому Гу Жунъань тогда так испугалась и сбежала, ведь в противном случае, будучи наследницей семьи Гу, разве поверила бы она паре слов?

Ци Цзюньян обдумывал её небрежные слова. Эта лёгкость, с которой она говорила о своих чувствах к Гу Жунъань, словно это была просто глупая шутка...

Может ли человек быть настолько разным? И не являются ли её нынешние слова такой же отговоркой?

Ци Цзюньян молчал, но Хэхуань не унималась.

Она недовольно взяла его лицо в ладони и, глядя прямо в глаза, сердито спросила:

— Ты ещё не ответил! Девушки снаружи такие красивые? Красивее меня и нашего малыша?

Словно в подтверждение её слов, медоед, послушно сидевший на коленях у Ци Цзюньяня, издал звук — тоненький, в котором совсем не чувствовалось прежней свирепости.

Ци Цзюньян взглянул на зверька и наконец снова заговорил:

— Так значит, ты не любишь Гу Жунъань?

Он всё никак не мог отпустить этот вопрос.

— Не люблю, — без малейшего колебания ответила Хэхуань, — у неё ведь нет тех восьми кубиков пресса, которые я люблю.

— Что ты сказала? — Лицо Ци Цзюньяня помрачнело.

— Нет-нет, я имела в виду шесть кубиков.

Инстинкт самосохранения у Хэхуань был развит прекрасно. Она тут же вспомнила, что у него

сейчас нет восьми кубиков, и поспешно исправилась, чтобы потешить самолюбие президента.

Однако взгляд Ци Цзюньняня не потеплел ни на йоту. Он продолжал холодно смотреть на неё, а спустя долгое время отвернулся.

— Что бы ты ни думала, помни, что я сказал. Иначе — проваливай отсюда прямо сейчас.

— Угу-угу.

Хэхуань закивала как заведённая, сладко прижалась к его груди и нежно сказала:

— Цзюньнянь, я буду любить тебя очень сильно.

Пока он остаётся красивым, можно говорить что угодно.

Что касается Ци Цзюньняня, он уже не хотел гадать, правдивы слова Хэхуань или нет. В конце концов, раз у него всё ещё есть к этой женщине интерес, пусть остаётся. Даже если использовать чувства как обоюдоострое оружие, неужели он, Ци Цзюньнянь, проиграет какой-то женщине?

Ци Цзюньнянь опустил взгляд на Хэхуань, прильнувшую к его груди, и увидел только её макушку с аккуратным вихром.

Он молча добавил про себя:

— Даже если она психопатка.

После того как они пришли к согласию, в жизни Хэхуань и Ци Цзюньняня снова воцарился покой.

Хэхуань чувствовала, что действительно полюбила его, ведь с того самого дня она больше не смотрела свои любимые фильмы ужасов.

Ради тебя я отказалась от трёх тысяч призраков.

Разве это не настоящая любовь? Если Ци Цзюньнянь не будет беречь своё лицо и пресс, он просто не оправдает её чувств.

Впрочем, любовь — это второстепенное, её главной задачей оставалось выполнение задания.

Хэхуань работала в специальном отделе Альянса злодеев, поэтому её задания отличались от чужих. В каждом мире цель была неизменной: набрать баллы симпатии у соперников. И в отличие от тех, кто работал в Альянсе захвата, ей не нужно было доводить симпатию до ста процентов, достаточно было набрать определённую общую сумму.

Этот мир был самым обычным, современным, и максимум симпатии составлял 1000 баллов.

То есть ей нужно было набрать 1000 баллов от вещей или людей, которые считались соперниками. Но была одна раздражающая деталь: соперники постоянно менялись.

Ци Цзюньнянь — Сын удачи этого мира, и всё, что он любит или что любит его, становится соперником. Обычно условие срабатывало, когда он проявлял интерес к какой-то вещи. Конечно, бывали и такие девушки, как Гу Жунъянь, но беда была в том, что если сегодня ему

нравится эта рубашка, то рубашка — соперник, а если завтра она ему разонравится, Хэхуань приходилось искать нового соперника.

Ветреность Сына удачи была такой же, как у придурка Шисань Цюэ.

Хэхуань проводила дни в поисках соперников, пытаясь при этом построить «красивую» любовь в узких щелях между этими событиями.

На остальное она старалась не обращать внимания, делая вид, что ничего не видит — всё равно это её не касается.

Например, скрытые камеры, которые Ци Цзюньянь установил в спальне, — она решила делать вид, что не знает о них, чтобы не задеть самолюбие своего любимого президента.

Ци Цзюньянь, неясно по какой причине, после того дня стал не только приходить домой вовремя, но и установил кучу камер, хотя по-прежнему не баловал Хэхуань добрым выражением лица. Если бы Хэхуань не знала, что он каждый день тайком подглядывает за ней, она бы решила, что этот президент холоден и телом, и душой. Кто бы мог подумать, что он такой скрытный тип.

Впрочем, пока Ци Цзюньянь не обезображен, остальное её не волновало.

Каждый раз, когда он уезжал, она пробиралась в хозяйскую спальню, доставала его любимые рубашки, ремни, галстуки — всё, что он носил, — и начинала свой ежедневный ритуал восхваления и признаний.

— Ах, ты просто божество, сошедшее на землю, моё сердце так колотится!

Хэхуань лежала на его кровати, вытянув губы, и звонко целовала воротник его рубашки, а потом, обнимая её, каталась по кровати, заливаясь смехом.

Ци Цзюньянь не слышал, что она говорит, но видел всё — её чувство, похожее на безумную влюблённость.

Казалось, даже когда Линь Ханьхань признавалась в любви Гу Жунъань, она не была такой искренней.

С каждым днём он всё больше убеждался, что с этой женщиной что-то не так: каждый день она целует и обнимает его личные вещи, при этом при встрече с ним ведёт себя как ни в чём не бывало. К тому времени, как он возвращался домой, даже следы от её поцелуев на одежде были смыты. Но она, вероятно, не знала, что он прекрасно осведомлён обо всём, что она вытворяет.

Как и сейчас: Ци Цзюньянь вёл совещание, одновременно глядя на планшет с трансляцией камер.

Зацеловав рубашку, Хэхуань аккуратно сложила её, достала новую и продолжила. В конце концов, Ци Цзюньянь увидел, как её взгляд устремился ко второму ящику комода.

Его дыхание участилось, сердце охватила тревога.

Во втором ящике лежало его... нижнее бельё. Что задумала Линь Ханьхань? Если она сделает что-то невообразимое, если посмеет целовать его трусы, он сегодня же вернётся и обзовет её

сумасшедшей!

Ци Цзюньянь напряжённо смотрел в экран, чувствуя, как от одного её взгляда тело охватывает жар. Он впился взглядом в Хэхуань, так сильно сжимая планшет, что костяшки пальцев побелели.

За столом менеджер, закончивший доклад, ждал указаний, но, подняв глаза, увидел, что президент с ледяным лицом не сводит глаз с планшета. Менеджер решил, что босс недоволен результатами, и покрылся холодным потом.

Наступила мёртвая тишина. Менеджер, сглотнув, набрался храбрости и прошептал:

— Господин Ци, мы в следующем месяце обязательно будем стараться ещё сильнее!

Ци Цзюньянь не ответил. Он продолжал смотреть на экран, боясь, что она сейчас вытащит бельё и начнёт его целовать.

Сколько времени она смотрела, столько он и не сводил с неё глаз. Менеджер, разумеется, всё это время стоял, обливаясь потом.

Наконец помощник, сидевший поодаль, почувствовал, что что-то не так. Прочистив горло, он наклонился к Ци Цзюньяню:

— Господин босс?

Ци Цзюньянь проигнорировал его, потому что на экране Хэхуань уже протянула руку к «запретному» ящику.

Помощник, не выдержав, толкнул руку босса, в которой тот держал планшет.

Ци Цзюньянь был на пределе, и от неожиданного толчка планшет выскользнул из рук и полетел на пол. Он вздрогнул, поспешно поднял его, но экран уже погас.

Не говоря уже о том, что помощник и менеджеры были напуганы ледяным взглядом босса, когда Ци Цзюньянь наконец разобрался с делами и снова подключился к камерам, Хэхуань уже закрывала шкаф и бодрым шагом выходила из спальни.

Ци Цзюньянь тупо смотрел на пустую комнату на экране, чувствуя себя так, словно его грызли тысячи муравьёв.

— Чёрт, делала она это с моими вещами или нет?!

□□□□□□□□□□□□□□□□

Хэхуань: Говоришь, что не хочешь, а тело реагирует — сам ты извращенец, ещё меня обвиняешь.

Ци Цзюньянь: ...Так целовала или нет?

Хэхуань: Что, хочешь представить себе картинку?

Ци Цзюньянь: ...

Хэхуань: Озабоченный мужчина.

Ци Цзюньянь: А-а-а-а! (кричит как суслик)

Шисань Цзюэ: Хэхуань, ты не понимаешь, мужчины такие: он думает, что если ты целуешь его трупы, то это всё равно что целовать его... (затыкают рот)

Хэхуань: Заткнись уже, тупая ты тварь.

Автор: Давайте вместе по-дурацки кричать: а-а-а-а-а.

Хи-хи, обожаю писать эти дьявольские сценарии.

Соперник президента (десятая часть)

Ци Цзюньянь чувствовал себя ужасно. Поступок Хэхуань словно сжал его сердце в кулаке, заставляя метаться от досады и беспокойства.

Он никогда ещё не чувствовал, что день в офисе тянется так долго.

Что, чёрт возьми, задумала Линь Ханьхань?

Ци Цзюньянь провёл день в муках, ушёл с работы на час раньше и поспешил домой. Всю дорогу он был взвинчен и полон сомнений.

Если Линь Ханьхань действительно сделала это, что ему делать? Ругаться? Но это как-то неловко, если дело выплывет наружу, пострадает его репутация. И почему она это сделала? Она ведёт себя как одержимая сталкерша.

С тяжёлым сердцем Ци Цзюньянь припарковал машину в гараже и пулей взлетел в дом.

Всё казалось нормальным. Когда он вошёл, Линь Ханьхань напевала песенку и поливала цветы на балконе. Увидев его, она радостно улыбнулась и нежно позвала:

— Цзюньянь.

Ци Цзюньянь тут же вспомнил, как она одержимо обнимала его рубашку, и его мысли окончательно спутались.

— Ты...

Он начал фразу, но не знал, как продолжить.

Не спросишь же прямо: «Ты не делала ничего непристойного с моим нижним бельём?» Тогда придётся признаться, что он установил камеры в спальне. Устанавливать камеры в собственной спальне — это ведь тоже звучит как извращение.

— М? Что такое?

Хэхуань наклонила голову, внимательно прислушиваясь.

Но он больше ничего не сказал.

— Ты хотел мне что-то сказать?

<http://bllate.org/book/21622/2230477>